

Реальный сектор

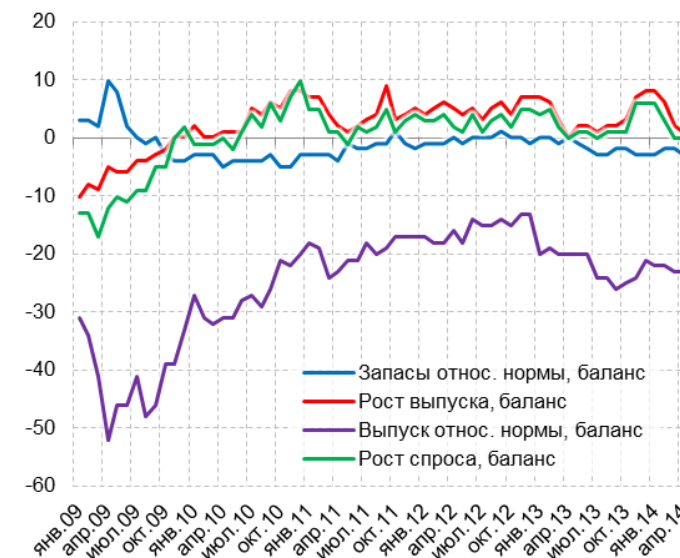
3. Ожидания предпринимателей и прогнозы правительства, или Возможна ли смерть капитализма в одной отдельно взятой стране?

Майские опросы Росстата противоречиво характеризуют экономическую конъюнктуру и содержат как хорошие, так и плохие знаки. А вот новый среднесрочный прогноз Минэкономразвития поневоле заставляет вспомнить марксистский закон тенденции нормы прибыли к понижению, ведущий, как известно, к смерти капитализма

После относительно благоприятных (по сравнению с провальным первым кварталом) макроэкономических данных за апрель все с нетерпением ждут майской статистики. Однако первые релизы Росстата появятся не раньше середины июня, а вот опросные данные за май, характеризующие настроения российских предпринимателей в промышленности, только что появились. В целом их можно оценивать со сдержанным оптимизмом, так как они говорят о некотором улучшении ситуации по сравнению с апрелем, но при этом на гораздо более низком абсолютном уровне ожиданий, чем во второй половине прошлого года.

Фактические значения роста спроса и выпуска в мае из практически нулевых балансовых оценок (разница между долями опрошенных, говорящих о росте и снижении показателей) стали слабо положительными – 3 и 1 п.п. соответственно (см. рис. 3.1). При этом в мае увеличился такой индикатор предпринимательского оптимизма, как оценка уровня запасов готовой продукции как недостаточных относительно «нормы». Он вырос до минус 4 (минус 3 в апреле 2014 г.), то есть до максимального уровня с мая 2013 г., когда балансовая оценка нормальности запасов стала устойчиво слабо отрицательной после относительно

Рис. 3.1. Динамика показателей конъюнктурных опросов Росстата в промышленности за январь 2009 – май 2014 г. (использованы материалы ИСИЭЗ НИУ ВШЭ)*

*Баланс оценок = разница долей опрошенных в %:

1. подтверждающих рост или снижение показателя в данном месяце;
2. утверждающих, что показатель находится выше или ниже нормы.

Источник: Росстат, ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

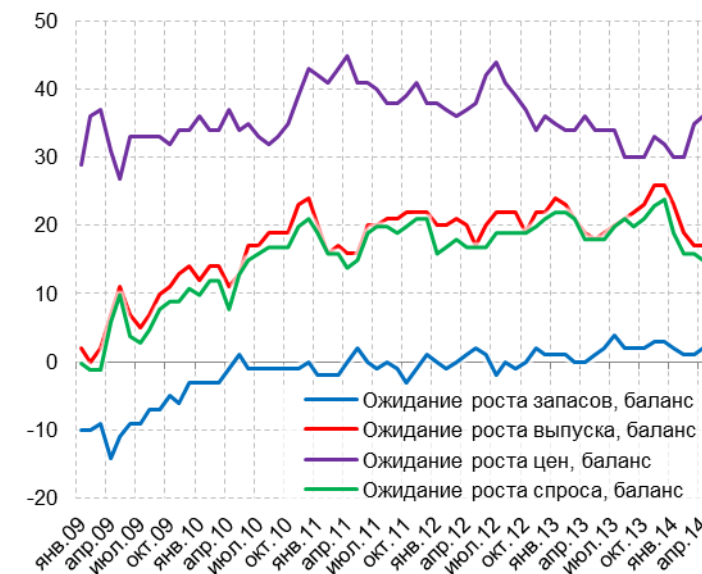
сбалансированности в предшествующие полтора года (см. рис. 3.1). Раз запасы оцениваются как недостаточные, значит, предприниматели в силу каких-то причин ожидают роста спроса, продаж и производства.

В полном соответствии с вышеизложенным, в мае текущего года несколько улучшились и ожидания предпринимателей относительно роста выпуска и спроса на ближайший квартал. Однако абсолютный уровень ожиданий роста выпуска и спроса ниже предновогодних примерно на 20%. Тот факт, что при этом предприятия ожидают роста запасов, означает, что выпуск при росте спроса будет расти темпами несколько выше темпов роста последнего в силу включения мультипликатора запасов (то есть работы не только на текущий спрос, но и на перспективу, то есть «на склад», см. рис. 3.2). Негативно можно оценить тот факт, что ожидания роста цен в мае, хотя и остались на неизменном относительно апреля уровне, в целом с января резко выросли (примерно на 20%), что совпало с волной ослабления рубля.

Очевидно, что слабая в целом конъюнктура реального сектора заставляет и правительственных экспертов смотреть реальности в глаза. Новый среднесрочный прогноз развития российской экономики на 2015–2017 гг., подготовленный Минэкономразвития, в его базовом варианте характеризуется темпами прироста ВВП заметно ниже среднемировых – от семикратного отставания в 2014 г., когда ВВП России вырастет по оценке на 0,5%, а мировой – на 3,6%, до отставания всего на 20% в 2017 г., когда ВВП России вырастет по прогнозу на 3,3% (см. рис. 3.3 и 3.4).

В целом новый прогноз, **во-первых**, характеризуется неверием экспертов правительства в высокую эффективность мер по деbüroкратизации экономики. Предпочтение отдается мерам, связанным с направлением денег в приоритетные предприятия и сектора. **Во-вторых**, прогноз ожидает получения эффекта от мер, направленных на импортозамещение, а вот значимой поддержки экспорта нам увидеть не удалось. **В-третьих**, в новом прогнозе со следующего года возобновляется опережающий рост заработной платы в экономике над производительностью труда (чего впервые за много лет нет в 2014 году), что

Рис. 3.2. Динамика показателей ожиданий роста конъюнктурных опросов Росстата в промышленности за январь 2009 – май 2014гг. (использованы материалы ИСИЭЗ НИУ ВШЭ)*

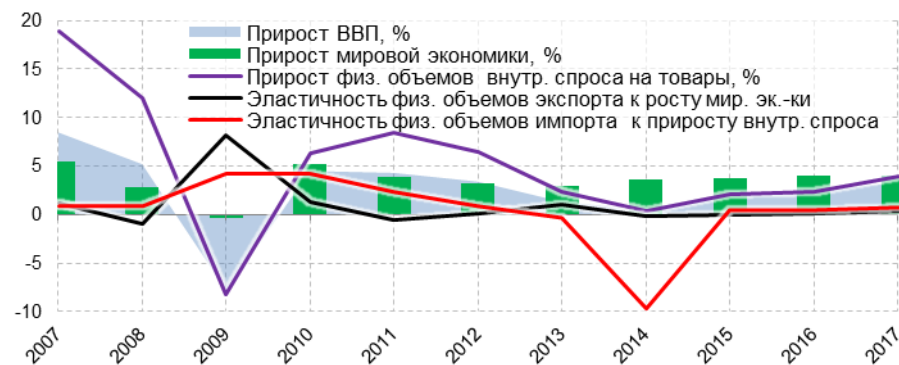
*Баланс оценок = разница долей опрошенных в %: ожидающих роста или снижения показателя в течение ближайших трех месяцев.

Источник: Росстат, ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

является характерной чертой старой модели экономического роста, которая, даже по словам правительственных чиновников, приказала долго жить. **В-четвертых**, прогноз характеризуется не очень реалистичными оценками изменения курса рубля: на фоне снижения чистого притока валюты в страну из-за прогнозируемого снижения счета текущих операций и низкого уровня конкурентоспособности производства курс рубля может упасть сильнее, чем заложено в прогнозе, если Банк России не будет его усиленно сдерживать.

Если посмотреть на динамику такого показателя конкурентоспособности, как эластичность прироста физических объемов экспорта к приросту внешнего спроса (мировой экономики), то видно, что эксперты правительства не очень верят в эффективность таких мер поддержки экспорта, которые не связаны с использованием дополнительных финансовых ресурсов, а основаны на известных «дорожных картах».

Рис. 3.3. Динамика ВВП России и индикаторов ее внешней и внутренней конкурентоспособности в прогнозе Минэкономразвития на 2015–2017 гг. (сценарий 1, базовый)

Источник: Минэкономразвития, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 3.4. Динамика ВВП России и индикаторов ее внешней и внутренней конкурентоспособности в прогнозе Минэкономразвития на 2015–2017гг. (сценарий 2, умеренно-оптимистичный)

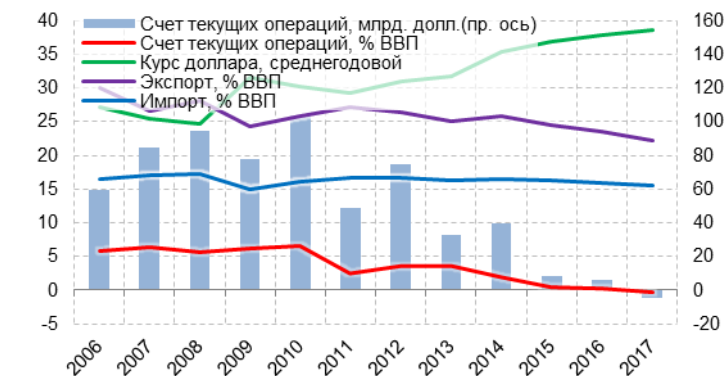

Источник: Минэкономразвития, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Во всяком случае, в первом сценарии эластичность физических объемов экспорта в периоды 2011–2013 гг. и 2015–2017 гг. остается неизменной, на уровне 0,3, а вот во втором сценарии, предусматривающем, в частности, смягчение бюджетного правила, повышается до 0,5 в прогнозном периоде (см. рис. 3.3 и 3.4). Тем не менее, даже такого увеличения конкурентоспособности экспорта недостаточно для поддержания положительных темпов роста экспорта по номиналу, что может обеспечить рост притока валюты в страну и поддержание положительных темпов прироста ВВП в долгосрочном плане. В обоих сценариях соотношение экспорта и ВВП в номинальном выражении снижается с 25% ВВП в 2013 г. до 22% ВВП в 2017 г. (см. рис. 3.5 и 3.6).

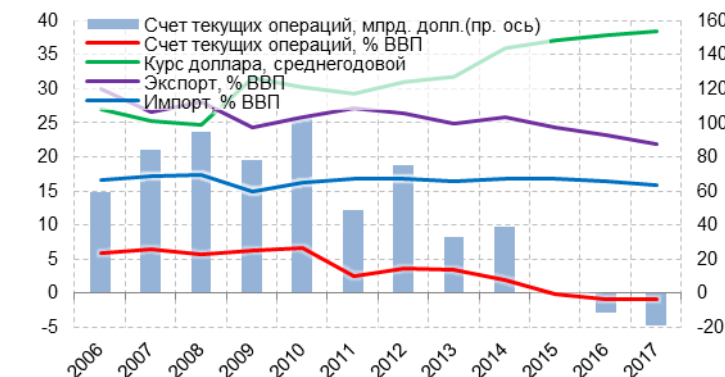
В то же время при неверии в быстрый рост экспорта эксперты Минэкономразвития рассчитывают на рост конкурентоспособности российских производителей на внутреннем рынке. Так, эластичность прироста импорта к приросту внутреннего спроса снижается, по нашим оценкам, с примерно единицы в 2011–2013 гг. до 0,6 в сценарии 2 и 0,8 в сценарии 1 в 2014–2017 гг., что, в числе прочего, обеспечивает относительно высокие темпы прироста ВВП (см. рис. 3.3 и 3.4). Если расширить

Рис. 3.5. Динамика ВВП России и индикаторов валютного рынка в прогнозе Минэкономразвития на 2015–2017гг. (сценарий 1, базовый)

Источник: Минэкономразвития, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 3.6. Динамика ВВП России и индикаторов валютного рынка в прогнозе Минэкономразвития на 2015–2017гг. (сценарий 2)

Источник: Минэкономразвития, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

период сравнения до четырех лет, то есть до 2010–2013 гг. и 2014–2017 гг., то эластичность импорта к приросту внутреннего спроса падает с 1,8 до минус 2 в первом сценарии и с 1,8 до 0,1 – во втором сценарии. Такая разница в оценках эластичности импорта в прогнозный период связана с ожидаемым снижением физических объемов импорта в 2014 г., когда, по оценке Минэкономразвития, он снижается на 4% в первом сценарии и на 2,9% – во втором. Соотношение импорта и ВВП снижается в 2013–2017 гг. с 16,3% до 15,5% в первом сценарии, и до 15,9% – во втором (см. рис. 3.5 и 3.6).

Однако на чём строят свои ожидания эксперты МЭРа – нам увидеть не удалось: конкретных свидетельств перехода российских производителей к более высокому уровню конкурентоспособности на внутреннем рынке пока не заметно, а административные ограничения импорта с учетом вступления России в ВТО применять невозможно. Впрочем, нам очень тяжело понять и то, в какой ситуации российские товары смогут выиграть конкуренцию только внутри страны, но при этом проиграть её на других рынках.

В целом упор в прогнозе на защите внутреннего рынка (то есть на импортозамещении под прикрытием механизмов судебной защиты и прочих мер), а не на ускорении выхода на внешние рынки выливается, в частности, в большее снижение в ближайшие три года соотношения экспорта и ВВП, чем импорта и ВВП. Однако при такой постановке вопрос о том, как обеспечить возрастающий приток валюты в страну, необходимой для модернизации экономики, остается открытым. По опыту других стран единственным источником модернизации являются прямые иностранные инвестиции. Но откуда они возьмутся в условиях идущего уже много месяцев оттока капитала, непонятно, так как каких-либо специальных мер для этого не предусматривается? Ну ладно, деньги правительство надеется получить от деофшоризации, но новые технологии и менеджеры из офшоров вряд ли приедут.

Нельзя не отметить, что в обоих сценариях прогноза заложен опережающий прирост в прогнозируемую трехлетку (2015–2017 гг.) темпов прироста заработной

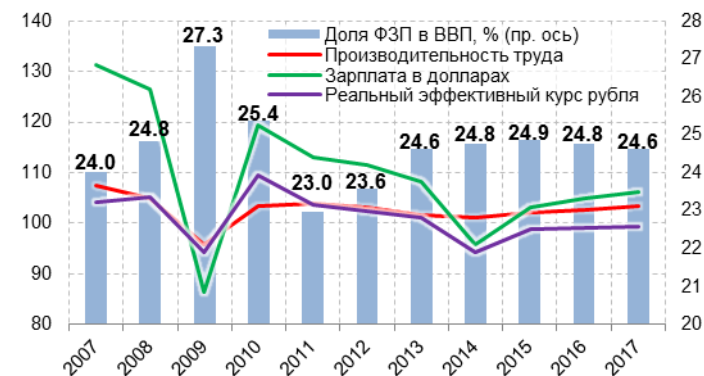
платы в валютном выражении над темпами прироста производительности труда. Коэффициент такого опережения по сценариям составляет, по нашим оценкам, 1,8 и 1,7. Это ниже, чем четырехкратное опережение в период 2011–2013 гг., но все равно неблагоприятно влияет на ценовую конкурентоспособность российской экономики. Получается, что правительство изначально закладывает в прогноз продолжение тенденции 2011–2013 гг., когда доля ФЗП в ВВП выросла с 23% ВВП до 25%. Хотя максимум 2009 г. (27% ВВП) ещё не достигнут (см. рис. 3.7 и 3.8), но всё равно этот тренд с учетом плохого инвестиционного климата будет дестимулировать инвестиции и вести к снижению рентабельности. Вспомните знаменитый марксистский «закон о тенденции нормы прибыли к понижению», ведущий к смерти капитализма, – в данном случае он отчетливо проявляется в одной отдельно взятой стране.

Важной чертой прогноза, снижающим доверие инвесторов к его объективности, является, на наш взгляд, неадекватное описание тенденций, складывающихся на валютном рынке. Показатели обесценения рубля выглядят явно заниженными, особенно во втором сценарии, который характеризуется значительно большим снижением счета текущих операций относительно ВВП (его переходом в минус уже с 2015 г., а не с 2017 г., как в первом сценарии) и при этом относительной стабильностью курса рубля как раз в этот период (см. рис. 3.5 и 3.6). В свою очередь, «скромность» экспертов Минэкономразвития в прогнозировании возможной номинальной девальвации рубля ведет к почти стабильной динамике в 2015–2017 гг. реального эффективного курса рубля. Максимум снижения – на 1,1% – наблюдается в первом сценарии в 2015 г. (см. рис. 3.7 и 3.8), но такая оценка выглядит заниженной.

В результате получается, что предприниматели верят в лучшее и надеются на постепенный выход экономики из стагнации, а правительственные прогнозисты не могут поддержать этот оптимизм иначе, как использованием не до конца обоснованных гипотез.

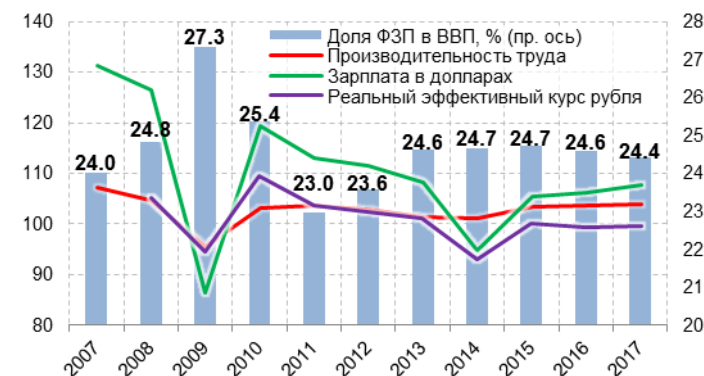
Валерий Миронов, Вадим Канофьев

Рис. 3.7. Рост индикаторов конкурентоспособности год к году и доля фонда заработной платы в ВВП, % в прогнозе Минэкономразвития на 2015–2017 гг. (сценарий 1, базовый)

Источник: Минэкономразвития, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 3.8. Рост индикаторов конкурентоспособности год к году и доля фонда заработной платы в ВВП, % в прогнозе Минэкономразвития на 2015–2017 гг. (сценарий 2)

Источник: Минэкономразвития, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.